

Гавриил Бужинский

**СЛОВО В ДЕНЬ ГОДИЩНАГО ПОМЯНОВЕНИЯ ВО
БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ПРЕСТАВЛШАГОСЯ
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО,**

**при гробе его Величества в соборном первоверховных
апостолов Петра и Павла храме.**

**Святейшаго правительствующаго Синода советником,
школ и типографий протектора, Троицы Сергиева монастыря
архимандритом Гавриилом проповеданное лета 1726,
генваря в 28 день**

Начинатель годов текущий генварь, еже в прешедшем годе нанесл нам неблагополучие, оное же и в нынешнем воспоминаем обновляет, слышателие благочестивии!

Не требе есть толковать или многоречием объявлять нанесенное нам общее неблагополучие. Воззри всяк на сей, пред очесами нашими предлежащий плачевный саркофаг:¹ он всякаго проповедника яснее, всякия трубы гласнее проповедует, чесога мы, российстии сынове, лишихомся, кая благополучия наша в нем суть погребенна, кое предражайшее сокровище в нем сокровено, и таковым смертным замком заключено, яко разве архангельским гласом отверзено имать быти, якоже глаголет Павел апостол: «Вострубит, и мертвии востанут нетленни». Проповедует гроб сей лишение наше, гласит ненагражденный наш убыток, представляет пред очеса толь несносный и плачевный позор, которого никогдаже не токмо не желаем видети, но паче желаем, дабы нам никогдаже сие и на помысл не входило.

При толиком убо общем народном неблагополучии, общем, глаголю, вси бо лишихомся отца, российстии сынове! сама же Россия, отечество наше, Отца отечества, Петра Великого, при сем, глаголю, неблагополучии и воспоминаении онаго, что имам и аз, неблагополучный проповедник, пред вами, равно же неблагополучными слышатели, проповедати? Лучше воистин-

¹ На поле гроб.

ну, дабы предложение слова сего не было, нежели, предстоя зде, о настоящей печали сей беседовати, юже изъяснити силы моя не могут, исповести же равнаго словесе не обретаю.

Петра Великого лишихомся, и лишения того воспоминаение творим: о, печаль неутешная! о, язва на сердца, никоимже врачевствы исцелитися могущая! Зде лежит кто? Петр Великий! Ах, кто с пророком Иеремием сего плачевнаго не произнесет гласа: «Кто даст главе моей воду и очима моима источник слез, и плачу день и ночь!» Зде увяде венец наш, угасе светильник очию нашу, ищезе красота наша, столп наш преклонися, пресечесе надежда; зде веселие наше в темном мраце погребено, зде лавры побед и торжеств российских изошренною косою смертною подсечени и потоптани суть, и кто сицевую твою скорбь, Россия, исповести возможет?

Вспоминает печаль превеликую некоторыя жены Ездры, которая, чрез многия лета бывши неплодна, умолила у Бога сына, воспитала его со всяким опасением, даже до времени брачнаго, и егда обручила онаго сына своего и ввела в чертог брачный, абие сын ея умре: «И бысть, — рече, — егда вниде сын мой в чертог свой, пад умре, и превратихом вся светлая». Велия сия, и кто не исповест? яко велия печаль бысть жены оныя; но несравненно вящая печаль твоя, Россия! не сын, но отец твой по толиких трудех за любовь твою, по толиких о тебе промыслах, по толиких за славу твою подвигах, по толиких походах, брадах, победах, торжествах, вниде уже аки в сладкий брачный чертог, в мирное сие отвсюду время, идеже подобало в мире снести плоды трудов своих. Но, о печали! егда вниде в чертог свой, пад и умре, и пременихом вся светлая: и сию скорбь может ли кто по достоянию исповести? может ли кто совершенно изъяснити?

Чтем в историях о взятии славнаго у пиитов города Трои, что онаго греки чрез десятилетнее облежение дотоле не могли взяти, донележе некия предсказанныя от богов выроки не были исполнены, между которыми выроками и сие было, дабы Агамемнон, царь греческий, единородную дочь свою Ифигению в жертву принесл Диане, то есть заклал и сжегл, что и учинилось по совету Улиссеса. Преславный некий живописец Тимантес, хотя изобразити на картине действие оное, написал тамо присутствующих и при жертве оной бывших в различных страдания или печали видах: Калханта печальнаго, Улиссеса скорбящаго, Аякса кричащаго, плачущаго Менелая, инаго омлевающаго, другаго очеса своя отвращающаго, да не видит заколения прекрасныя оныя царевны; а когда восхотел изобразити отца Агамемнона и рассуждал, в каковом бы виде пристрастия его написати, что бысть тогда в сердце родительском,

егда возлюбленнейшую дочь изведе на заколение, и оную еди-
нородную, не избрал равнаго пристрастия уподобления отече-
му, и того ради написал Агамемнона стояща при жертвеннице
оном, главу имуща плащаницею или убрусом всю покровену,
изъявляя, яко толикаго острота печали никоеуже хитростию и
искусством изъявитсяя может, отдая на разсуждение, да всяк
разсуждает, якоже хочет, что тогда в сердце родительском и ка-
ковое действие бяше. Тако и аз исповедую: невозможно изобрази-
ти твоя печали, Россие, разве вместо покрова на главу твою,
во утешение сынов твоих, малое сие изреку слово, в котором
не имам простираться в похвалу действий Петра Великаго, по-
неже как вам, слышателие, вся сведома, так и в прешедших вре-
менех премудро не единожды проповедана; изъявлю же в сем
слове моем, что Петр Великий аще и умре, но жив есть, смерть
ему не унесла, но принесла живот, не отъят, но дарова жизнь.
И сие при толикой скорби нашей да будет нам во утешение и
наставление, и якоже Петр Великий чрез все житие житием
своим, тако и по смерти смертию своею да будет нам всегдаш-
ний наставник и учитель.

Живу не к тому аз, но живет во мне Христос. Прежде даже
к намеренному приступим слову, слышателие благочестивии,
разсудити подобает, что есть смерть? Една ли она есть или мно-
гия суть на нас смерти? каковаго она рода и фамилии? кто ея
отец? И сия егда познаем, увидим явственно предложения на-
шего силу и уразумеем, камо следует настоящее слово.

Многая знаменования в священном писании слово сие имать
«смерть». Что есть человеку бедственное, тяжкое, несносное, пе-
чальное, с превеликим трудом претерпеваемое, то все в писании
смертию именуется. Воззрим в книгу Моисееву Исход. Наказует
Господь Бог фараона различными казнями за то, что не хотел
от египетской работы свободити люди израильтеския, и егда не-
сносны и нестерпимы стали фараону, оныя казни смертию имену-
ет; просит Моисея и Аарона: «Простите, — рече, — мой грех,
и молитесь Господа Бога вашего, дабы отнял смерть сию от мене»,
то есть дабы отнял толь жестокия и нестерпимыя наказания,
толь тяжкия, аки смерть, печали. Видим таковое же подобие
в книзе Царств: егда во времена Елисея пророка умножися
глад в земли той, в нейже пророк живяше, ученицы его единою
восхотеша уготовати варение, и егда собраша овощей дивиих
и ядше уразумеша оныя быти вредныя, возопиша ко пророку:
«Смерть есть в конобе, человеце божий!» Кто бы разумел, что-
бы тамо смерть в конобе кипела, егда ю иконописцы пишут без-
телесну, токмо едиными высохлыми костми состоящуюся, и не
много бы от ея вкусу в кушаньи чается накипело, но сие изъ-
явиша смерть в конобе, то есть бедство, отравя, яд, погибель!

Сего-то именованя и знаменованя смерти дознал на себе со-
суд оный избранный Павел святыи, всех бед и зол вкусивый,
во всех злоключениях искусивыйся, егда сам о себе глаголаше:
«Беди приемлем на всяк час, по вся дни умирающе», то же и
на ином месте, исчисляя коринфяном бедствия своя, глаголет:
«В трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смер-
тех многаши». Он же бедствия своя, приключившыяся ему во
Асии, смертию нарицает: «Не хочу вас, — рече, — не ведети о
скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко не надеяться нам и
жити, но сами в себе осуждение смерти имехом, не надеющиеся
на ся, но на Бога, возставляющаго мертвых, иже от толь ве-
ликаия смерти избавил ны и избавляет».

Собственное же, общая всем смерть тако именуется, яже
есть разлучение души от тела, и сия всякому животному то-
лико есть ненавидима, елико живот возлюблен, толико непри-
ятна, елико жизнь сия желаемая. Воззри на мнейшее воздушное
животно или малейшее некое несекомое: о, коль от своя по-
гибели бегают! жизнь свою сохраняют, всякими образы смерти
ухранитися ищут!

Что же сотвориши, человеце бедный! едина ли тебе смерть
предстоит? Вемы, что всем животным, елико их есть в мире
сем, во всей поднебесной, единою умирати предлежит, якоже
духом святым движим глаголет псалмист: «Отъимеши дух их,
и исчезнут, и в персть свою возвратятся». А с тобою тако ли
творится, человеце? Мню, всяк от вас речет, слышателие: а как
же не едина смерть? якоже к прародителем нашим, смерть за-
служившим, рече Бог: «В онъ же день аще снесет от древа, еже
разумети доброе и лукавое, смертию умрете», и не рече «смерть-
ми», и Павел апостол подтверждает, глаголя: «Лежит человеку
единою умрети, потом же суд». Не тако есть, слышателие, не
такое, воззрите глубочайше в священное писание, противным
образом вся увидите, един человек, а на его смерти суть безчис-
ленныя. Не глаголю zde о различных приключаящихся видах и
родах смертных, но о самых смертех, ими же человек умирает,
паче же умерщвляет сам себе самоизвольно. Слышахом о оной
смерти неминуемой, яже есть разлучение души от тела, кото-
рою святыи Иоанн Богослов смертию первою нарицает, тело
убивающею, а духа коснутися не могущею, которыя и бояться,
хотя она естественно человеку страшна, не повелевает Христос:
«Не убойтеся от убивающих тело, душу же не могущих убити».
Обретается лютейшая оныя, юже Богослов святыи второю смер-
тию нарицает. Сия толико лютейшая, елико честнейший уд, то
есть душу, убивает, и сия есть смерть душевная, яже есть разлу-
чение благодати божия от души, которая всегда оною благода-
тию живет и движется, якоже церковный песнопевец Дамаскин

глаголет: святым духом всякая душа живится. Се страшная смерть, еяже и Христос бояться повелевает, своюю смертью сию смерть поправый: «Убойтеса, — глаголет, — могущаго и душу и тело погубити в геенне». Се лютая смерть, яже от избранных божиих разлучает: «Кое бо общение свету ко тьме?», яже имя от книг животных изглаживает: «Да потребятся от книги живых и с праведными да не напишутся», и инде: «Погибе нечестивый, и имя его потребил еси в век и в век века».

Лютая убо сия смерть; разсудим еще, слышателие, откуда свой род ведет? каковыя она фамилии? от коего племени происходит? Смерть есть дщерь треклятаго родителя греха. А мать кто? Похоть. О, несчастливи родителie, сие ненасытимое страшилище, весь мир пожирающее, родившии. Несчастливую ея фамилию описуют духом святым движимии апостоли святии, и тако Павел о погибельном отце ея глаголет: «Едином человеком грех в мир вниде, и грехом смерть, и тако во вся человеки смерть вниде, о нем же вси согрешиша». Явственно убо, кто и откуда отец смерти; а о матери ея извещает нам Иаков святой, аки родословие ея описуей: «Похоть заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть». Видим убо мерзкаго исчадия и фамилию мерзкую, рождения ехиднина и плод всеядовитейший, вся пожирающий, вся снедающий, вся в прах и пепел обращающий! О, кто убо от изошренных ея зубов свобод быти может? Кто от косы ея, вся пожинаящей, избегнет? Отчаяватися бы пришло роду человеческому, аще бы сие лютое зло не усмирено было, аще бы сия коса на камень, Христа Господа, не попала: «Камень же бе Христос»; аще бы ядовитое ея жало на всемирнаго врага не улучило: «Где ти, смерти, жало? Где ти, аде, победа?»

Ныне на предложение мое обращаю слово. Рех, яко Петр Великий не умре, но жив есть; отдаде долг естественный первой смерти, но избеже вторья; предлежит в сем гробе телом, но живет Богу, живет богохранимой своей фамилии, живет любимому своему отечеству, и яко в житии своем плотском научаше, тако и в нынешнем духовном наставляет, да последуем стопам его. Он живет по смерти первой, а нас, мертвых второю смертью, обстоящих гроб его, наказует, да от сея смерти воскресше, проживем Богу и живот, якоже он, вечный наследим. Вем, яко ругахуся Иисусови, егда на умершую девицу архисинагогову рече: «Не умре девица, но спит»; сие же о животе Петра Великаго слово да будет нам в наставление!

Вспомяните себе, слышателие, коль тяжкую, коль несносную печаль имел в сердце своем ветхозаконный патриарх Иаков, егда о возлюбленном сыне своем Иосифе плачевную услышал от своих же сынов, а Иосифовых братий, весть: «Иосифа, — рекоша, — зверь лют уби и снеде», а во уверение того

принесоша ризу окровавлену, подрану, сомяту: «Ризу сию обретохом, познавай убо, аще ли риза сия сына твоего есть или ни?» И познав ю, святой Иаков рече: «Риза сына моего есть, и зверь лют изъел его, зверь восхити Иосифа!» Воспомяните, глаголю, каковая печаль нестерпимая при сих вестех сердце его одержаше! Краткими, но зело сострадательными словесы сию его скорбь священное изъявляет писание: «И разтерза Иаков ризы своя, и возложи ризы власяныя на ся, и сетова сына своего дни многи; и егда хотяху утешити его сынове и дщери его, не хотяше утешитися» — паче желаше умерети, нежели сыновнее лишение терпети, и глаголаше к ним: «Да сниду к сыну моему сетуя во ад», то есть, по переводу множайших, во гроб. О, плача неутешнаго! О, печали неутолимыя! О, кто исповести возможет, коликую язву имел на сердце своем старец святой! Обратем же паки очеса на тогожде, как переменялся и аки иной стал, егда о том же Иосиф услышал, яко жив есть. Сетовал он многи дни, потом не скоро возвестят ему тии же сынове его, которые ему и смерть Иосифову возвещали: «Изыдоша из Египта и приидоша в землю Ханааню ко Иакову, отцу своему, и поведаша ему, глаголюще: сын твой Иосиф жив есть», и не токмо жив, но еще и господствует над Египтом, второй царь есть и владеет во всей земли египетстей.

Зде разсудите, коликую абие радость возымел в сердце своем тойже старец святой. От великия радости не вероваше; егда же узрел колесницы и слуги, ихже послал по него от Египта Иосиф, «ожи дух его», глаголет писание, и аки от смерти возбудившись рече: «Велико ми есть, аще есть Иосиф сын мой жив; шед да вижду его, дондеже не умру». Равный плач твой есть Иаковому, Россие! Иосифа твоего лишилася еси, Иосифа, умножившаго в тебе вся сия, яже прежде никогдаже имела еси, Иосифа, от тьмы ко свету, от неведения ко искусству, от безчестия ко славе произведшаго! Но отри со оным же Иаковом слезы твоя, отложи сетование! Слыши уже не от братий Иосифовых, не от человек или от ангел, но от самага Христа Спасителя, начальника жизни наша: Петр Великий жив есть! «Аз есмь воскресение и живот: веруяй в мя аще и умрет, оживет, и всяк веруяй в мя не умрет вовеки». Се уже имаши, Россие, пластырь на сердечную язву твою; се тебе утеха на плач твой неутолимый; се сладчайший мед, от уст Спасителя нашего искапающий и услаждающий горесть твою. Петр жив есть: «Веруяй в мя не умрет вовеки!» Живет животом лучшим от сего живота нашего, ибо безпечальным, безмятежным, радостным, тихим, бессмертным, всякия болезни неведущим, скорби непричастным, воздыхания незнающим. О сем нас известных творят безчисленныя от священнаго писания доводы.

И в первых, кто в житии сем временном имеет веру живую, то есть, по Иакову апостолу, добрыми делы украшенную, любовью споспешествуемую, веру от плодов добрых познаваемую; таковой, аще и умирает, живет; таковых, якоже трех отроков огонь, смерть не прикасается, ниже вредит им; сицевии аще и нещущи суть во очесех человеческих умерети, они же суть в мире. Воспомянем древних оных патриархов, в вере доброй засвидетельствованных, Авраама, Исаака, Иакова, Давида и прочих премногих, от Павла апостола изчисленных, и воспросим из священнаго писания: живы ли суть они или умерли? Аще кто речет «живы суть», то уже намеренное сие слово крепко и сильно есть; аще же бы кто рекл «умерли», понеже о всех прежде бывших речеся: поживе и умре. Поживе Авраам и погребен бысть, поживе Исаак и преселися ко отцем своим, поживе Иаков и умре, и плакася его весь Египет дни многи, Иосиф о изнесении костей своих из Египта заповеда, Давид, Соломон и прочии царие умроша. О пророцех, апостолех тож нам истории засвидетельствуют, а о мученицех что бы и глаголати, коль безчисленныя виды смертей претерпеша! «Руганием и ранами искушение прияша, еще же и уз и темниц, камением побиени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша». Сия, глаголю, аще бы кто рекл, кто не увидит, яко вси умроша, вси жития лишени суть, вси под власть смерти подпадоша? Трудный воистинну сей вопрос. Сам, Спасителю наш, твою смертию смерть умертвивый, развяжи нам сию трудность; сам изъяви нам, что с верными рабы твоими по отшествии творится? И учитель наш на вопрос, каковый ему саддукеи предложили, сию тайну нам открывает: «Несте ли чли реченнаго вам Богом, глаголющим о воскресении мертвых: аз есмь Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль, несть Бог Бог мертвых, но Бог живых», аки бы рекл: не Бог бы то был, кто бы был Бог мертвых, но той есть Бог истинный, кто есть Бог живых; несть Бог Бог мертвых, но Бог живых. И не толико сего; умре Моисей, якоже свидетельствуется в Второзаконии: «Скончася Моисей раб господень в земли Моавли словом господним, и погребоша его в земли Моавли близ дому Фогорова». Умре убо и погребен бысть Мойсей, но не умре, живет житие блаженное; жива его на горе Фаворстей во славе видеша Петр, Иаков, Иоанн, ученицы господни: «Се явистася и Моисей и Илиа с ним глаголюще». Умроша мученицы, но не умроша; живи суть, якоже явственню нам в Апокалипсисе святыи Богослов Иоанн вещает, иже им и брак агнчий, и град Иерусалим вышний уготованную вечерю изъясляет: «И егда отверзе пятую печать, видех под олтарем души избивенных за слово божие и за свидетельство, еже имеяху, и возопиша гласом великим, глаголюще:

доколе, владыко святыи и истинный, не судиши и не мстиши крове нашея от живущих на земли?» Зрите, слышателие: глаголет Иоанн о убиенных и умерщвленных на земли, а они глаголют: «и возопиша гласом великим». И что убо, аще не сие изъясляет Иоанн, яко в вере живой преставлишиися не умирают, но живут вечно, в славе небесной; вменяется пред очима нашими смерть исход их, они же живут: «праведницы во веки живут». Сие видя и разсуждая, Давид о смерти своей торжествоваше: «Не умру, но жив буду и повем дела господня». Что глаголеши, Давиде святыи: «не умру, но жив буду»? Чем о тебе — сам рекл еси к Соломону, сыну твоему: «Аз отхожду в путь всея земли, ты же крепися и буди муж совершен», и ниже таможде: «И успе Давид и погребен бысть у отец своих во граде Давидове». Что убо: не умру, но жив буду? Тако есть: имел Давид веру во грядущаго Мессию, имел веру, уповаемых вещей извещение, в ней же и свидетельствован бысть; имел веру во Христа, от чресл его имущаго родитися, иже о себе рече: «веруяи в мя аще и умрет, жив будет во веки»; и по вере той о себе с торжеством глаголаше: «не умру, но жив буду и повем дела господня». О, коль драгая, коль желанная смерть сицевая, яже по трудах в покой, по печалех в радование, по неизреченных бедствиях к вечному безмятежию приводит!

Вемы, что дух святыи сию смерть нигдеже смертию, но сном сладким, сном токмо возлюбленным божиим, вместо превеличайшаго воздаяния, даруемым, именуется, якоже вышереченный царствующий пророк глаголет: «Егда даст возлюбленным своим сон, се достояние господне». Таковых умерших сам Христос Господь усопшими именуется, якоже рече о друге своем Лазаре: «Лазарь, друг наш, успе»; тож и о дочери сотникове: «Не умре девица, но спит». Любезен по многом неспанию сон утруждаемому человеку, тако праведно пожившим по трудах любезное есть усупие, преводящее в живот вечный. Егда человек утружденный сна употребляет, тогда токмо тело его упокояется, а душа всегда бодрствует, не спит, но действия своя не токмо животныя, но и чувственныя, внутренныя и умныя производит, якоже всяк того дознати на себе может: о чесом бо печашеся во дни, что видел, желал, все сие телу успокоившуся, во сне чрез движение душевное иногда видит: воин иногда во сне с неприятелем брань творит, мореплаватель корабль управляет, купец продает чрез сон желаемою ценою товары своя, и сим подобная. Таковый и праведных сон смерть есть; почивают по трудах своих, якоже глаголет Иоанн: «Отныне, ей, глаголет дух, да почиют от трудов своих». Но дух их всегда жив есть, дух отходит к Богу, дававшему его: «Возвратится, — глаголет Екклесиаст, — персть на землю, якоже бе, и дух возвратится

к Богу, иже есть дал ему». Возвратится дух к Богу, и кий язык возможет исповести сие души благополучие, кий ум объявити возможет веселие и красоту онаго вышняго града, между толикими ангельскими лики славе божией соприсутствовати, с блаженнейшими духами создателя своего прославляти, присутствующаго лицезрения божия насладитися, неописанный свет видети, смерти не к тому уже устрашати, и получитьи не во сне, но истинно вся тая благая, яже чрез все житие желала и о них же все попечение имела? Сия радости и благополучия, от доброй смерти происходящя, разсуждая, Екклесиаст премудре изрече: «Благ день смертный паче жития», а в иных переводах: лучший день смерти, нежели рождения. И как не так? Раждается человек в мир, и абие с собою влечет грех: «В беззаконных зачат есмь и во гресех роди мя мати моя»; умирая же свободь от греха со Христом живет: «Желание имый разрешитися и со Христом быти». Раждается человек на болезни, труды, скорби, печали, а блаженная смерть от всех избавляет бедствий; смерть всех болезней разрешение и кончина, смерть праведных не что иное есть, токмо пороков наших очищение. Смерть, глаголет Григорий Нисский, всех смятений и волнений покойнейшее пристанище. Смерть, глаголет Иоанн Златоуст, конец трудов, победы совершение, к жизни и совершенному покою вшествие. О, блаженна убо и преблаженна смерть, яже жизни не отъемлет, но на лучшую пременяет. Кое ваше блаженство смерть есть, в вере умирающий, яко смерть ваша живот есть: «веруай в мя» и прочая. Кое ваше благополучие, Христу послужившии, о которых сам сия изрече словеса: «Аще кто мне служит, мне да последует, и идеже есмь аз, ту и слуга мой будет». Кое приобретение ваше, в житии Христа насладившиися, яко и по смерти в нем живот вечный имате: «Ядый мою плоть и пияй мою кровь, имать живот вечный, во мне пребывает и аз в нем, ядый мя жив будет мене ради, ядый хлеб сей жив будет во веки». О веселия, о благополучия, о приобретения неисповедимаго!

Егда убо вера, оживленная благими делами, творит и по смерти жива, егда такуюю веру имущии не умирают, но и по смерти живы суть, егда сицевых смерть несть смерть, но живот вечный, жизнь желаемая. Воистинну убо, аще и предлежиши в сем саркофаге, Петре Великий, телом, но живещи душею; зде плотию опочиваеши, но духом предстоиши престолу божию. Гроб сей есть одр сладкаго твоего упокоения. Оживотворила тя есть вера тая во Христа, юже чрез всю жизнь твою имел еси, поучаяся на всяк день в заповедех божиих! Егда при великих трудах государственных, всенародных промышленных, во всех походах воинских всегда твердое упование на Господа своего имел еси, славословия божия никогдаже оставляя, паче же своим

примером всех воздвизая, всех возбуждая, а ленящихся и небрежливых побуждая и принуждая. Явствуется сие от молитв всегдашних тако в воинстве сухопутном, яко и в морских походах. Оживотвори тя, Петре, вера, украшенная благими делами, и в первых оная вера любовию поспешествуемая, о которой сам Спаситель глаголет: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». В сей любви Петр истинный подражатель Христа Господа: не щадяше дражайшия души своя за отечество свое, за други по вере христианской, а по благодарованному скипетру за подданыя своя. Не щадяше души своя в трудах и подвизах, в мразе и знои, в путешествии и мореплавании, в бедственных на земли странствованиях, и в многмятежнейших и бедственнейших морских буреваниях. Не щадяше души своя в баталиях, егда в толиком был случаи, яко на дражайшей главе его шляпа пулею неприятельскою бысть пробита. Не щадяше жизни своя в мореплавании, яко единою в толиком был на Балтийском мори буревании, идеже уже всякая надежда спасения пресечена бысть. Вся же сия претерпевал за отечество, полагал душу свою за други своя. Явленная бысть сия любовь в походе оном на общаго христианскаго имене ненавистника, оттоманскаго лютаго зверя, егда и на знаменях полковых сие устрои надписание: «За веру и верныя».

Что же рещи о других его добродетелех? Времени ми не достанет исповедати милостыни прещедрых, даваемых на откупление в плене агарянском сущым, на откуп церковей, дабы в них славословимо было имя божие, крест Христов был проповедан! Кто исповесть его милосердие к безчисленным, смерти повинным, иже аще и всякаго помилования недостойныя, но егда кто истинное явил повинование, желаемое всегда получал прощение. Оживотворила его вера, что в несносной болезни близ смерти сый, услышал увещание о искуплении кровию Христовою, аки болезни в себе не чувствоваше, тако в сладость увещавающаго послушаше. Оживотворила его сия вера, яко уже близ смерти сущему, егда предстоящи советоваху напутие жизни вечныя восприяти, то есть телу и крови Христовой сообщитися, не действующу уже языку, ко вопрошающему, имать ли желание укрепитися в путь той пищею божественною, и дабы сие хотя, помаванием руки изъявил, всем толикое показал желание, яко абие поднесл руку свою и с великим усердием получил желаемое. Блажен и треблажен еси, Петре Великий, сицевою христианскою кончиною преставльшиися: воистину жив еси; смерть твоя не смерть, но жизнь вечная; достойно с Павлом можещи глаголати: «Живу не к тому аз, но живет во мне Христос; мне еже жити Христос, и еже умрети приобретение есть». Именует некоторых умерших Иоанн в Апокалипсисе блаженными, для

того что дела их ходят в след их: «Блажени мертвии, умирающие о Господе: отныне, ей, глаголет дух, да починут от трудов своих, дела бо их ходят вслед с ними». Треблаженна ты исповедаю, Петре Великий; твоя дела, яже сотворил еси в житии сем, суть безсмертныя славы достойна и вечна: воинство, флот, возрождение России — сия вслед тебе ходят и вечно ходити будут в мире сем, а дела душевная тамо тебе последуют, тамо пред лики святых украшают, тамо ты пред престолом Божиим прославляют. Живеши и живет в тебе Христос, живеши и со возлюбившим тя Христом, ему же служил еси; царствуеши, живиши и вечно торжествуеши.

От сих ведати можем, что творится с Петром Великим, еуже ныне поминовение творим; но посмотрим на самых нас, воззрим в совести наша, приставим к сердцам нашим мысленное зеркало и увидим все противное. Поминовение творим блаженным сном усопшему, а сами мертвы, и, сохрани нас Господи, не смертью ли второю, то есть не телесною, но душевною? Не отъятием и разлучением души от тела, но отъятием и разлучением от души благодати Божия? То смерть лютая, то бедствие всех зол бедственнейшее, да что творить? Сия смерть в мире сем над всеми господствует, всех под властью своею содержит. Кажется что людие, в очесех наших имут движение, действуют, ходят, но едва ли не дерева бездушные: «Вижду человеки аки дерева», глаголет ко Христу слепой: являются очесам аки бы украшения, но гроби суть отвне повапленные, внутрь всякия мертвечины, гнилости и мерзости исполненные. От сея смерти несть ни единого чина, никого же состояния, никого возраста свободнаго и ей подчиненнаго. И како сие может быти, речеши? Тако: кто греху повинен, повинен и подчинен смерти сей. А не вси ли сим бременем угнетаемся, не вси ли под сею смертною тягостию стеном: «Едином человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако во вся человеки смерть вниде». Вси ежедневно, ежеминутно беззакония аки воду прием, аки воздух в себе тягнем, якоже глаголет Иов: «Кто человек, дабы был непорочен, или кто есть праведен рожденный от жены? Се и между святыми его несть непременно, и небо нечисто есть пред ним. Кольми же паче мерзок и непотребен человек, пияй аки воду беззаконие?» Вси чрез грех сотворихомся нечисти, непотребни: «Прельстихомся, — глаголет Исая, — и быхом яко нечисти вси мы, яко порт нечист вся правда наша». Вси испорчени и злу сему подвержени: кто бо в себе порока не имеет? Вси заблудихом от пути истиннаго, но давно ли? — еще от чрева материя, и не смерть ли се есть тяжкая: «Отчудишася грешницы от ложесн, заблудиша от чрева». Дивную вещь однакож до подтверждения слова сего обретаю у святого Матфея еван-

гелиста: призывает Спаситель наш во учение свое некоего человека, у которого знатно отец было умерл; просит он Иисуса, дабы повелел ему токмо погребсти отца своего, а он готов на таковое дело: «Господи, повели ми ити прежде погребсти отца моего». И что на сия Спаситель? «Гряди по мне и остави мертвых погребсти своя мертвцы». Аки бы рекл: иди абие со мною, пусть мертвыи погребают мертвых. И что сие, учителю наш? Где таковыя страны, где народы, дабы мертвых мертвые же и погребали? Мертвыи суть вси греху служащии, живы будто пред человеки, но мертвы пред Богом. Посмотрим на мертвого человека: лежит бездушен, движения не имеет никоего, тако умерщвленый грехом не движится ко благоугождению, не может творити ничтоже благое; мертвый абие согнивает, смердит, неприступен, видению человеческому несносен. Таковая есть и душа, грехом умерщвленная пред Богом, гниет, якоже глаголет Давид: «Несть исцеления в плоти моей от лица гнева твоего»; смердит: «Возмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего»; неприступна и видению Божию неприятна: «Егда подвижете руки ваша ко мне, отвращу очи мои от вас», и что последует: «Отвращашу же тебе лице, возмзутся; отымеши дух их, и исчезнут и в персть свою возвратятся». О таковых живых мертвцах примеры представляет нам священное писание. Отшел на страну далече от отца своего сын юнейший, вдался в роскоши и в беззакония, и абие он живой мертвец, якоже при возвращении его глаголет отец ко другому сыну: «Брат твой сей мертв бе и оживе, изгибл бе и обретеса». Второй пример о вдовице представляет Павел апостол: «Вдовицы, — рече, — чти сущыя, истинныя вдовицы», а потом изъявляет, кто есть истинная вдовица: «Сущая истинная вдовица и уединенна упова на Бога, и пребывает в молитвах и молениях день и ночь; питающаяся же пространно жива умерла есть». Словом, заключаю: вси тии живыи мертвцы — гробы токмо ходящии, иже от души своя отчуждиша Бога, яко глаголет иппонийский епископ: якоже душа есть живот тела, тако души есть живот Бог; и якоже издыхает тело, егда душу испущает, тако издыхает душа, егда Бога опускает: Бог опущенный смерть есть души, якоже душа опущенная смерть есть тела. И, что вящше, смерть телесная пред сею второю смертию едино ничтоже, якоже и Давид сению оную нарицает. Сень же что? Едино ничтоже: «Смирил еси нас на месте озлобления, и прикры ны сень смертная». Сия словеса Григорий толкуя, глаголет: которые не духом, но токмо единою плотию умирают, оным не жестока смерть, но точию прикрыла их сень смертная; сень бо смертная есть смерть телесная, понеже якоже истинная смерть смерть есть, еуже душа разлучается от Бога, тако сень смерти есть, еуже тело разлуча-

ется от души. Что убо сотвориши, душе, окаянную и лютейшею сею смертию умершая? Востани, спящая, воскресни от мертвых, и осветит тя Христос! Вопрошаше Павел апостол, кто бы его от сицевыя смерти избавил: «О, окаянный аз человек! Кто мя избавит от смерти тела сего?» Ты же имаши воскрешающаго тя всегда благодатию своею и оживляющаго духом святым, иже всегда стоит при дверех, ищай обращения твоего: «Се стою при дверех и толку, аще кто услышит глас мой, и отверзет двери, вниду к нему». Умре душа, но абие прибегни ко оному, единым словом воскрешающему: «талифа куми, девице, тебе глаголю: востани!»

Но да продолжу во утруждение ваше, слышателие, слова. Видехом, что мы, воспоминовение творящие во блаженной памяти преставльшемуся Петру Великому, сами мертвы есмы, на нас оное слово исполняется: остави мертвым погребсти своя мертвецы, а Петр Великий жив есть, мертв телом, но жив верою, мертв плотию, но жив добродетельми; zde лежит во гробе, а на небеси со Христом царствует; царствует же и zde в тебе, Россие, царствует в правильной венца и скипетра своего наследнице, всех добродетелей, всех действий подражательнице, всея премудрости, благоразумия, мужества, кротости и прочих всех добродетелей преемнице, благочестивейшей великой государыне Екатерине Алексиевне. Сие убо тебе во утешение да будет, Россие, сие да отрет горькия слезы твоя, сие исполняет лишение твое, яко и в небеси со Христом Петр царствует, и в тебе, Россие, царствует Петр в Екатерине. Жив дух Петров в наследнице: не плачи убо, Россие! не плачи, богохранимая фамилие Орла Российскаго, в единой персоне благочестивейшия государыни нашея обе имущая! Не плачите и вы, сынове российстии, но наставлением Петра Великого тако, якоже он, жительствовати и умирати подражайте; его примером жительствова, потщися всяк тако zde жити, да достойно возможеша всегда изрещи: живу не к тому аз, но живет во мне Христос! Аще же тако поживем, имети будем не токмо в горькой сей общей печали, но и всегдашнее душевное утешение. Сам же Господь наш Иисус Христос, и Бог и отец наш, возлюбивый нас и давый утешение вечно и упование благо в благодати, да утешит сердца наша, и да утвердит во всяком слове и деле блазе. Аминь.